

С 9 (19) 1
Г 624

Н. Голубцовъ.

Къ исторіи
города Колы
Архангельской
губерніи.

97320

15

1948

Колычъ Савва
Общ. Библіотекы
им. А. Н. Добролюбова

АРХАНГЕЛЬСКЪ.
Губернская Типографія.
И Ф И Л.

1966 г.

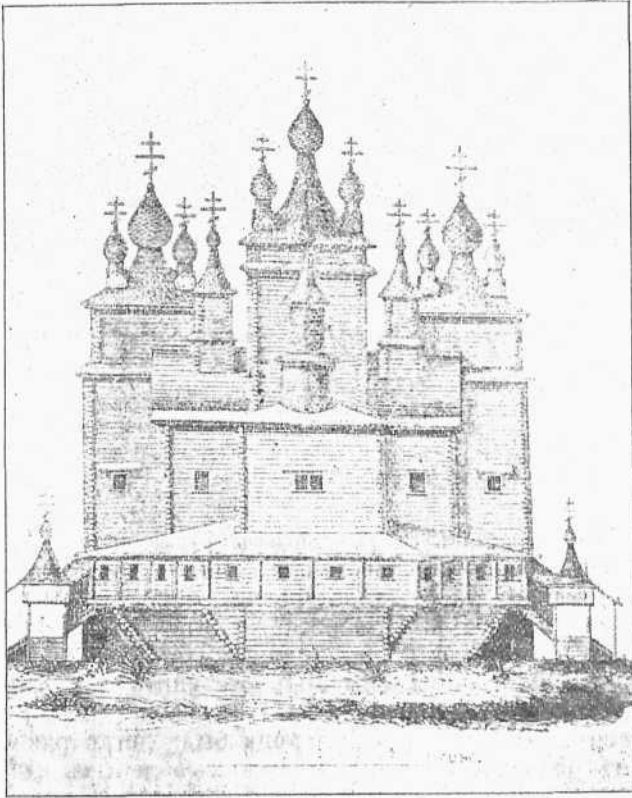
1953

Къ исторіи города Колы

Архангельской губерніи.

(Описание, Ст. № 1 „Извѣстій“).

Бомбардировка Колы началась съ разсвѣтомъ 11 августа. Наше единственное орудіе, послѣ одного произведеннаго изъ него выстрѣла, было сбито со станка и дульная часть его оторвана, при чемъ легко контужены въ голову двое рядовыхъ. Ружейные же выстрѣлы русскаго отряда не достигали цѣли по дальности разстоянія. Поэтому русскіе, находившіеся около бруствера, принуждены были отступить подъ прикрытіе береговъ р. Туломы, гдѣ уже находилась большая часть русскихъ вооруженныхъ силъ. При этомъ отступленіи были легко ранены унтеръ-офицеръ и одинъ рядовой. Отъ непріятельскихъ каленыхъ ядеръ и гранатъ и небольшихъ коническихъ пуль, съ придѣланными къ нимъ коробками съ горючимъ составомъ, въ нижней части Колы скоро начался пожаръ, а тѣснота строеній затрудняла его тушеніе. Между тѣмъ непріятель сталъ готовить высадку десанта на берегъ, и два баркаса, вооруженные пушками и имѣющіе до 60 человекъ солдатъ, направились отъ корвета въ Колѣ. Десантъ высадился на монастырскомъ островѣ и зажегъ мучной магазинъ и стоявшій около него караульный домъ. Однако дальше онъ почему-то не двинулся и, по поданному съ корвета сигналу, вернулся обратно на судно. Въ 10½ часовъ вечера огонь непріятелей прекратился. 12 августа съ разсвѣтомъ бомбардировка Колы снова возобновилась и продолжалась до 7 часа утра. Непріятель пытался зажечь верхнюю часть г. Колы, но это, къ счастью, не удалось. Около 7 часовъ утра непріятель ушелъ въ море, считая, очевидно, безполезнымъ оканчивать разрушеніе города. Такимъ образомъ, хотя Кола не была взята непріателемъ, но это обошлось для города дорого. Отъ бомбардировки 11—12 августа было уничтожено въ Колѣ: 92 дома, 2 церкви, часовня, казенные магазины—соляной, винный и хлѣбный—и деревянный старинный острогъ съ 4 башнями по угламъ. Уцѣлѣло въ городѣ: 18 домовъ, церковь на монастырскомъ островѣ и казначейство. Спасены также казенныя суммы и имущество, заблаговременно вывезенныя въ безопасное мѣсто, и значительная часть частнаго имущества. Въ числѣ сгорѣвшихъ церквей былъ прекрасный и уважаемый колянами Воскресенскій соборъ, построенный при царяхъ Иоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ въ 1684 году.

Со старой гравюры.

Воскресенскій соборъ, построенный въ г. Колѣ при царяхъ Иоаннѣ и Петрѣ Алексѣевичахъ въ 1684 году и сожженный англичанами въ 1854 году.

Онъ былъ обведенъ валомъ и увѣнчанъ 18 главами съ восьмиконечными крестами, при чемъ высота средней главы съ крестомъ была болѣе 120 футъ. На восточной сторонѣ храма, подъ кровлею, прибита была доска, на которой славянскими буквами написана исторія его сооруженія. Этотъ храмъ не былъ отапливаемъ печами и сохранилъ необыкновенную прочность, изумлявшую всѣхъ въ теченіе ста семидесяти лѣтъ.

Одинъ путешественникъ, посѣтившій Колу вскорѣ послѣ бомбардировки ея 1854 года, писалъ слѣдующее: „городъ выжженъ почти весь, въ самой срединѣ его, на площади одиноко стоятъ обгорѣлыя стѣны

каменной церкви. Позади церкви уцѣлѣли отъ разрушенія единственные во всемъ городѣ каменные домъ уѣзднаго казначейства и три обыкновенныхъ деревянныхъ дома. Этимъ строеніямъ церковь служила защитой отъ непріятельскихъ зажигательныхъ снарядовъ. Уцѣлѣлъ еще правый конецъ города, называемый „Верховье“, состоящій изъ 12 или 15 ветхихъ лачугъ, которыя отъ дѣйствія непріятельской артиллеріи защищены были выдающимся въ видѣ мыса береговъ рѣки. По обширнымъ пожарищамъ въ беспорядкѣ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ наскоро сдѣланныя землянки и избушки, гдѣ нашли первый приютъ раззоренныя непріателемъ бѣдныя семейства. На рейдѣ, передъ городомъ, — нѣсколько лодей и разныхъ мелкихъ судовъ лежатъ бокомъ на берегу или стоятъ одиноко на якорѣ, спокойно догнивая свой вѣкъ.“

Въ 1899 году состоялось открытіе на Мурманѣ г. Александровска, куда было перенесено административное управленіе Кольскимъ уѣздомъ. Это событіе было вызвано тѣмъ, что г. Кола, по своему географическому положенію внутри Кольскаго залива, въ 70 верстахъ отъ

океана, оставался въ сторонѣ отъ мѣста наибольшаго развитія торгово-промышленной жизни края и потому не удовлетворялъ своему назначенію ни въ качествѣ коммерческаго порта, ни какъ административный центръ. Органы власти, живя въ Колѣ, не могли съ успѣхомъ выполнять своихъ обязанностей и слѣдить за побережьемъ, а промышленники, въ случаѣ надобности, лишены были возможности пользоваться услугами администраціи, такъ какъ поѣздки въ Колу были соединены съ потерей времени и многими неудобствами. Затѣмъ и другія природныя неудобства въ значительной мѣрѣ умалали значеніе г. Колы. Доступъ къ самому городу затруднителенъ, какъ для парусныхъ, такъ и для паровыхъ судовъ: для парусныхъ судовъ почти невозможно ланировать на протяженіи 60 верстъ по узкому Кольскому заливу, а потому безъ попутнаго вѣтра они не могутъ ни пройти въ заливъ съ моря, ни выйти изъ него, а пароходы вынуждены останавливаться въ 3½ верстахъ отъ Колы потому, что при отливѣ берегъ обсыхаетъ на далекое пространство, а мели, камни и быстрота течения мѣшаютъ подойти ближе. Наконецъ, Кольскій заливъ замерзаетъ на протяженіи около 20 верстъ отъ Колы.

Съ открытіемъ Алексаяровска Кола была оставлена запятаннымъ городомъ. Жизнь въ ней замерла и экономическое развитіе приостановилось на долгое время.

Съ 17 вѣка г. Кола стала служить мѣстомъ ссылки государственныхъ преступниковъ. Первымъ былъ высланъ въ кольскій острогъ бояринъ Леонтій Неплюевъ за свою приверженность къ князю Василю Васильевичу Голицыну, водворенному въ 1691 году въ Пустозерскѣ. По именному указу царя Петра отъ 14 января 1719 года, сосланъ въ Колу „по тайнымъ дѣламъ на вѣчное житье“ дворянинъ Степанъ Ивановичъ Лопухинъ съ женою и дѣтьми. Лопухинъ держалъ себя въ ссылкѣ запосчиво, билъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ и „обиды имъ творилъ“. Такъ, 24 декабря 1721 года было подано слѣдующее доношеніе въ Кольскую канцелярію „управителю господину поручику Константину Ивановичу Расу“: „Въ вышешнемъ 721 году декабря въ 23 день, по указу Его Императорскаго Величества и по баталіонной очереди, былъ я нижепоименованный въ кольской канцеляріи на караулѣ, и стоялъ на часахъ въ первомъ часу ночи онаго декабрьскаго числа; и пришедъ въ томъ числѣ и часу въ Канцелярію ссыльной Степанъ Лопухинъ, билъ нижепоименованнаго по щекамъ ни по какому дѣлу, и тогда были въ той Кольской канцеляріи соржантъ Козма Ламбухинъ, да таможенный бурмистръ кандалакшанинъ Гаврило Подурной, да таможенный подъячей Иванъ Рѣкуповъ, солдатъ Василій Кругловъ. Прошу, да повелѣно бѣ было сіе мое доношеніе въ Кольскую канцелярію принять и въ книгу записать, дабы было впредь для вѣдома, а о немъ ево ссыльнаго нахальному битѣ по щекамъ въ Архангелогородскую канцелярію или куда надлежитъ писать, чтобъ впредь такого нахальства ему, ссыльному Степану Лопухину, чинить было не повално. Доноситель Кольскаго баталіона солдатъ Иванъ Шинцовъ. Декабря въ 23 день 1721 гоаа. Ротной писарь Филиппъ Ростовцевъ вмѣсто солдата Ивана Шинцова руку приложилъ“. Съ подобной же просьбой къ тому же Расу обращается 19 января 1722 года сержантъ Константинъ Ивановъ: „Сего 722 года генваря въ 18 день, будучи въ городѣ въ Кольскомъ острогѣ въ комендантской горницѣ я нижепоименованный съ иными сержантъ; и тогда въ той горницѣ прилучился ссыльной дво-

ряпинъ Степанъ Ивановъ сынъ Лопухинъ, а въ рукахъ держалъ дубину, и тою дубиною учалъ меня нижепоименованнаго, нахальствомъ своимъ при комендантѣ по головѣ бить безвинно, и ту дубину о мою голову приломалъ, и голову всю приломалъ, и тѣмъ меня изувѣчилъ. Тому свидѣтели: Кандалакшскаго монастыря игумень Павель, да Кольскаго баталіона сержанты Иванъ Аникинъ, Козма Ламбухивъ“. 20 мая того же года въ Кольскую канцелярію управителю Расу подается на Лопухина новая жалоба: „Въ нынѣшнемъ 722 года мая 19 дня дня былъ я нижепоименованный въ кольской канцеляріи для требованія отпуску въ морскія Его Императорскаго Величества становища, чтобъ изъ тѣхъ становищахъ собрать Его Императорскаго Величества провіантъ, соль и снасти и прочее и привести въ Кольской острогъ; и пришелъ въ Кольскую канцелярію ссылочной дворянинъ Степанъ Ивановъ сынъ Лопухинъ, бравилъ меня всячески и похвалялся при всей канцеляріи и при многихъ людехъ меня ниже именованнаго убить смертнымъ убійствомъ въ моемъ постоянномъ домѣ. Того ради прошу Вашего Превосходительства, чтобъ сіе доношеніе въ Кольской канцеляріи принять, и для вѣдома въ Архангелогородскую канцелярію писать или куда надлежитъ, для того,—чтобъ мнѣ отъ оного Лопухина какова бь вреда не было, а ежели что мнѣ учинится, то опрече ево Лопухина никого себѣ суности не знаю. О семъ доносить прошлаго 721 года промышленникъ Василій Клементьевъ“. Отъ 12 іюня 1722 года поручику Расу подается еще доношеніе на Лопухина отъ Кемскаго острга жителя Якова Леонтьева. Леонтьевъ пишетъ здѣсь: „Въ нынѣшнемъ 722 году мая въ 26 день пришелъ я нижеименованный противъ двора Кольскаго таможеннаго подъячего Ивана Рѣкунова, а въ томъ мѣстѣ встрѣтился ссыльной Стефанъ Лопухинъ и говорилъ я ему Лопухину, чтобъ отдалъ мнѣ за заборное колѣе за работу, и онъ Лопухинъ за оное билъ меня дубьемъ смертно, и тогожь числа я нижеименованный въ Кольской канцеляріи на него доносилъ словесно, и отъ того его, Лопухина, битья лежалъ я въ болѣзни, Кольской Воскресенской церкви священникъ Петръ Трифоновъ меня исповѣдывалъ; а нынѣ я отъ того битья изувѣченъ и въ работахъ, отъ чего питался, нынѣ я быть неугоденъ“.

Затѣмъ 21 того же іюня составляется слѣдующій актъ: „1722 года въ 20 день, въ шестомъ надесять часу того дни пришедши въ комендантской домъ Кольской Воскресенской священникъ Петръ Трифановъ и говорилъ при фискалѣ Осипѣ Еремѣевѣ и при иноземцѣ приказчикѣ Адамѣ Шмитѣ: призвалъ де ево священника ссыльной Стефанъ Лопухинъ и велѣлъ сказать, чтобъ управитель господинъ поручикъ Константинъ Ивановичъ Расъ изъ Колы рѣки отъ нижнаго падуна гарву изъ рѣки вынжалъ, а ежели не выпеть, то нарубить хочеть не только оную гарву, но и у него господина управителя голову срубить. Священникъ Петръ Трифановъ руку приложилъ. Фискаль Осипъ Еремѣевъ въ слышаніи руку приложилъ. Иноземець Адамъ Шмитъ въ слышаніи руку приложилъ“.

Кольскія и Архангельскія власти жаловались на Лопухина въ Канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ и 8 сентября 1722 года въ Архангелогородской губернской канцеляріи полученъ былъ изъ тайной канцеляріи указъ отъ 18 августа, которымъ велѣно было: „Степана Лопухина допросить, для чего онъ будучи въ ссылкѣ, означенное не потребство и обиды и раззореніе и безчестныя и поносныя слова чинилъ, и убійствомъ похваляется; и тотъ допросъ прислать въ Тайную

канцелярію; а ему, Степану, за такія его непотребства, при градскихъ жителяхъ, учинить наказаніе—вмѣсто кнута бить батоги вѣщадно; и, по учиненіи того наказанія, сказать ему указъ съ приложеніемъ руки его и собрать по немъ поруки въ томъ, что ему впредь такъ непорядочно отнюдь не поступать и жить смирно, а ежели онъ Лопухинъ впредь будетъ въ такія же непотребства вступать, и за то учинено будетъ ему жестокое наказаніе: бить будетъ кнутомъ и сослать будетъ на каторгу въ вѣчную работу; а буде порукъ въ ономъ смиреніи по немъ Лопухинъ не будетъ, то держать его Лопухина за карауломъ“. 15 декабря въ Архангелъгородской губернской канцеляріи получена была отписка Раса объ объявленіи Лопухину указа Тайной канцеляріи, гдѣ Рась увѣдомлялъ, что Лопухинъ на допросѣ въ Кольской канцеляріи „о его непорядочномъ житіи въ Колѣ во всемъ заперся“, по за его непотребное житіе, при собраніи Кольскихъ градскихъ обывателей, наказаніе ему учинено вмѣсто кнута бить батоги; а чтобъ онъ, Лопухинъ, впредь въ Кольскомъ острогѣ жилъ смирно, указъ сказанъ, подъ которымъ онъ, Лопухинъ, своеручно и подписался; для собранія же по немъ, Лопухинъ, порукъ данъ былъ перечень капралу Топоркову, а въ сказкѣ оной капралъ сказалъ, что де по немъ, Лопухинъ, въ Кольскомъ острогѣ изъ обывателей—изъ всякихъ чиновъ людей никто не ручаются и ручаться по немъ опасны, и поруку по немъ собрать невозможно; а нынѣ онъ, Лопухинъ, держится подъ карауломъ для того, что по немъ, Лопухинъ, въ Колѣ порукъ никого нѣтъ.“

Въ 1774 и 1775 годахъ въ Колу было сослано 13 человекъ казаковъ, прикосновенныхъ къ пугачевскому бунту. Между ними находился и Федоръ Пироговскій, который былъ въ пригородѣ Осѣ воеводою и, по указу Императрицы Екатерины II, „за измѣническія его вины, лишень дворянства, наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Кольскій острогъ“. По „важности вины сего злодѣя“, состоялась о немъ весьма подробная изъ 17 пунктовъ резолюція губернатора, которою, между прочимъ, предписывалось: „по малости въ Колѣ воинской команды назначить, для препровожденія того злодѣя въ Колу и содержанія его тамъ подъ крѣпчайшимъ карауломъ, одного унтеръ-офицера и четырехъ рядовыхъ, состоянія добраго, не малолѣтнихъ и не пьяницъ; содержать онаго важнѣйшаго преступника въ самой крѣпости въ особливомъ покоѣ подъ такимъ крѣпкимъ карауломъ, дабы часовые стояли внутри самаго того покоя всегда съ ружьемъ или со обнаженными тесаками, и съ такою точно предосторожностію какъ военный регулъ велить; ни на какіе его, Федора Пироговскаго, къ послабленію въ чемъ либо ему, ухищренія и просьбы не взирать, никуда ни для чего его не отпущать и къ нему никого не допускать; бумаги, черпиль и перья ему не давать; ничего не принадлежащаго съ нимъ не говорить, также и самымъ часовымъ никакихъ не принадлежащихъ до свѣдѣнія его разговоровъ отнюдь не имѣть, хмѣльнаго къ нему не носить и тѣмъ его не поить, орудія такого, чѣмъ бы онъ иногда караульныхъ повредить могъ, не давать; смотрѣть надъ нимъ, чтобы утечки сдѣлать не могъ, когда будетъ ходить и въ нужникъ для испражненія, и часовой бы входилъ съ нимъ въ самый нужникъ, самый же нужникъ такъ крѣпко и твердо сдѣлать, чтобъ въ низу дыры не было, дабы спускаясь въ низъ не ушелъ; равно же и двери въ томъ покоѣ, гдѣ онъ содержится будетъ, были бы крѣпки и замкомъ и окошки соукрѣпленіемъ, яко съ желѣзными рѣшетками; да и трубу такую сдѣлать, дабы пролезть ею было невозможно, а полы накрѣпко прибить

гвоздемъ и утвердить, чтобы не единой половицы поднять не могъ; словомъ сказать, чтобъ такое то жилище было, чтобъ въ утечкѣ никакого способа не осталось; но однакожь наблюдать и того, чтобъ карательные тому преступнику не дѣлали никакихъ примѣтокъ и изнуреній и деньгами его не корыстовались“. Объ остальныхъ 12 человѣкахъ, посланныхъ въ Колу за участіе въ пугачевскомъ бунтѣ¹⁾, сохранились слѣдующія преданія между кольскими старожилами, основанныя на рассказахъ этихъ ссыльныхъ: всѣ они, принадлежавшіе къ сибирскимъ казакамъ, были арестованы и подвергнуты допросамъ съ пытками, по оговору, за то, что знали и не доносили правительству о появленіи въ ихъ мѣстности Пугачева, выдававшего себя за императора Петра III, но послѣдпаго они не видали и участія въ возмущеніи не принимали, хотя, по разнесшейся въ казачествѣ молвѣ, и вѣрили тому, что Пугачевъ не самозванецъ. Когда бунтъ былъ усмирень, ихъ отправили въ Москву и содержали въ цѣпяхъ, съ прикованными назадъ руками къ стѣнѣ. Пугачева они увидѣли въ первый разъ тогда, когда его привезли на лобное мѣсто, куда и они были выведены. Окованный цѣпями, онъ былъ въ крытой синимъ сукномъ собольей шубѣ и въ бобровой шапкѣ; послѣ объявленія приговора онъ кланялся на всѣ четыре стороны и заявилъ вслухъ всему народу, что онъ не императоръ Петръ III, а донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, и затѣмъ положилъ голову на плаху; первый палачъ не могъ выполнить своего дѣла и только ужъ другой—товарищъ его успѣлъ—ударомъ сѣкиры отрубить Пугачеву голову. Всѣ эти ссыльные казаки были водворены въ Колѣ безъ женъ и дѣтей, оставшихся на мѣстѣ, и потому многіе изъ нихъ женились въ Колѣ и приписались въ кольскіе мѣщане или въ крестьяне въ лопарскихъ погостахъ. Никто изъ нихъ не былъ возвращень на родину. Кромѣ государственныхъ преступниковъ, которыхъ перебивало въ Колѣ нѣсколько сотенъ человѣкъ, сюда начали ссылатъ съ 1804 года уголовныхъ преступниковъ. Ссылка эта началась при вологодскомъ намѣстникѣ Мельгуновѣ, который, желая увеличить населеніе Колы, исходатайствовалъ, чтобы сверхъ отправленныхъ тула на поселеніе, прибавлено было еще до 200 человѣкъ изъ пробывшихъ въ тюрьмахъ срочное время. Средство это, однако, не доставило желаемой пользы и Кола, какъ мѣсто ссылки уголовныхъ преступниковъ, получила недобрую славу у сосѣдей. Преступники, ссылаемые сюда, приставали къ кореннымъ жителямъ со своими нуждами, страшали, вымогали и прибѣгали къ насиліямъ. Поэтому созались поговорки, что въ Колѣ „мужика убить, что крынку молока испить“, „кто проживеть въ Колѣ три года, того и въ Москвѣ не обмануть“ и прочее.

Въ заключеніе настоящаго очерка считаемъ полезнымъ привести еще нѣсколько документовъ, представляющихъ историческій интересъ.

Списокъ Великаго Государя з грамоты.

(О починкѣ Кольскаго острога).

От Великаго Государя Царя і великаго князя Петра Алексѣевича всеа великая і малая і бѣлая росіи самодержца в колской острогъ воеводѣ нашему Григорью Никитичю Козлову. В прошломъ 1700 і в нынѣшнемъ 1701 годѣхъ в разныхъ мѣсяцахъ і числѣхъ посланы наши

¹⁾ Имена этихъ ссыльныхъ слѣдующія: Тимофей Мясниковъ, Михаилъ Кожевниковъ, Петръ Качуровъ, Петръ Толкачевъ, Иванъ Харчовъ, Тимофей Скачковъ, Петръ Горшенинъ; Степанъ Абаляевъ, Паисратъ Ягуновъ, Афанасій Чучковъ. Названія остальныхъ двухъ неизвѣстны.

Великого Государя многие грамоты на двину к боярину нашему и воеводѣ ко князю Алексѣю Петровичю Прозоровскому і в колской острогѣ к тебѣ, а велѣно в колской острогѣ для осмотра і описи пушечного снаряду і всякихъ воинскихъ припасовъ, что нынѣ в томъ городѣ есть, послать на лицо з двины кого пригожо тотчасъ на скоро і осмотра всѣ на лицо описать і на пятьсотъ стрелцовъ человекѣ к тамошнему целому ружью послать з двины із наличной казны руже доброе такъ и порохъ і оителю і чего в нынѣшнее военное время в тотъ городъ надобно з болшее доволство, а тамошнее порченое оруже всякое і бердыши, которые в колскомъ остроге явятца к воинскому потребленію негодны, что можно послить, а порохъ перекрутить і изъ наличного свинцу к наличному ружью і, сверхъ того впредъ в запасъ на пужный случай пулекъ налить з доволство і держать всегда в готовности чтобы в томъ городѣ в военный случай ни зачѣмъ никакой помѣшки і мотчанья не было, а городѣ, в которыхъ мѣстехъ попорченъ, велѣно починить, а гдѣ починить не мощно і в тѣхъ мѣстехъ сдѣлать вновь градскими і уѣздными людьми в тотъ часъ, і о томъ послушные памяти изъ ратуши к земскимъ бурмистрамъ посланы ж; і марта в 7 число писалъ к намъ Великому Государю з двины бояринъ і воевода князь Алексѣй Петровичъ Прозоровской: Февраля в 23 день капитанъ Григорей Животовской ис колского острогу приѣхавъ на двину подалъ описные книги за своею рукою і тѣ книги присланы к Москвѣ, а въ книгахъ написано: городъ колской острогъ деревянной стоячей, а на немъ пять башенъ рубленые межъ башнями в стѣнахъ терасы рубленые ж, а позде терасовъ острогъ стоячей в двѣ стѣны кругомъ города мѣрою опречь башенъ девяносто семь сажень с полусаженю ветхи, да четыре тераса да два тайника, а в колскомъ остроге жилецкихъ людей два человекѣ полячихъ, пять человекѣ капитановъ, пятсотъ человекѣ стрелцовъ, восемь человекѣ пушкарей, дватцать девять человекѣ посадцкихъ людей, в колскомъ уѣзде крестьянъ в кандалажской волости шездесять два двора, в колской волости четырнатцать дворовъ, в княжегубской волости пять дворовъ, в корѣльскихъ ребалскихъ волостяхъ триста сорокъ три двора, лопарскихъ шездесять девять вежъ, за Соловецкимъ монастыремъ бобыльскихъ семьдесятъ два двора, да лопарскихъ шесть вежъ, за Воскресенскимъ монастыремъ четыре двора бобыльскихъ, да пятьдесятъ четыре вежи лопарскихъ, всего в колскомъ остроге і в уѣзде жилецкихъ тысяча сто восьмьдесятъ два двора і вежъ; і какъ к тебѣ ся наша Великого Государя грамота придетъ і ты б по прежнимъ і по сей нашимъ Великого Государя грамотамъ в колскомъ остроге городъ велѣлъ починить, а в которыхъ мѣстехъ чинить не мощно, велѣлъ построить вновь коляны посадцкими людьми і колскими ж стрелцы і всякихъ чиновъ того города жилецкими людьми і с колского уѣзду нашими Великого Государя волостными і монастырскими крестьяны і лопарями всѣми безоотведно, чтобъ в военной случай в томъ городе в осаде сидѣть было надежно. А о послушаніи посадцкихъ людей і уѣздныхъ крестьянъ в ратушу память послана.

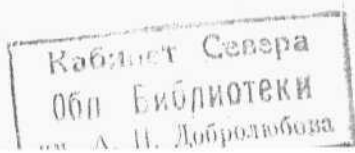
Писанъ на Москвѣ лѣта 1701 сентября в 23 день.

У подлинной грамоты приписъ дьяка Михаила Родостамова.

Справа подьячего Андрея Иванова.

1701 года декабря в 1 день подлинную Великого Государя грамоту подписалъ коляяинъ Митка Дьяконовъ.

(Труды Арханг. Губ. Статист. Комитета за 1865 г. кн. 1, стр. 58—60).

Наказъ отъ жителей Кольскаго посада въ Екатерининскую Законодательную Ком-
миссію.

Высокородному и превосходительному господину, генераль-маіору Архангельской губерніи, губернатору и кавалеру, Егору Андреевичу Головцыну, слѣдующее къ отсылкѣ въ комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія Кольскаго посада отъ жителей нижайшее представле-
ніе²⁾. И потому Ея Императорскаго Величества указу и сообщенному при томъ манифесту, а по согласію всѣхъ колскихъ посадскихъ лю-
дей, въ депутаты выбрать и послать не изъ кого. Понеже всѣ мы, кол-
скіе посадскіе люди, скудные и малолюдные, которыхъ по нынѣшней
ревизіи написано 54 души, а изъ оныхъ по нижесказанное число выбы-
ли: умершихъ 12 душъ,—малолѣтнихъ нынѣ состоитъ отъ 10 лѣтъ и
ниже—шесть, старыхъ и увѣчныхъ пять; за тѣмъ состоитъ 31 душа, изъ
которыхъ дома и рыбные семежныя, тресковые и салныя промыслы у
14 человѣкъ, а у 17 человѣкъ домовъ и рыбныхъ промысловъ не имѣт-
ся, а пропитаніе имѣли отъ вышечисленныхъ семежныхъ и тресковыхъ
и салныхъ промысловъ. А нынѣ уже по недарованію отъ Всемогущаго
Бога, семежныхъ промысловъ—20, а тресковыхъ и салныхъ 5 лѣтъ не
имѣтсѣ, и отъ неимѣнія тѣхъ промысловъ пришли во всеконечную ску-
дость и нищету и претерпѣваемъ великій гладъ. Хлѣбныхъ пашень и
торговъ не имѣемъ, хлѣбные припасы привозятъ отъ города Архангель-
скаго на судахъ морскимъ путемъ тамошними торговыми людьми и про-
даются высокими цѣнами по 50 и по 60 копеекъ пудъ ржаной муки.
Мы же, посадскіе люди, находимся въ колскомъ острогѣ въ службахъ,
которыми крайне отягчены, а именно: въ ратманахъ одинъ, въ колскомъ
острогѣ въ питейномъ дворѣ у питейной продажи въ бурмистрахъ одинъ,
у соляной продажи въ головахъ одинъ, у пороховой продажи въ цѣло-
вальникахъ одинъ, въ старостахъ одинъ, итого въ службахъ находится
5 человѣкъ; изъ которыхъ избираются къ питейнымъ, къ солянымъ и
пороховымъ сборамъ, служатъ по году, а по другому волочатся за сче-
тами. А въ бытность нашу въ оныхъ службахъ привозные отъ города
Архангельскаго вино и волка содержатся въ нашихъ рукахъ и въ то
годичное содержаніе вино и водкѣ являются не малыя утечки, а на течъ
у одного вина и водки имѣтсѣ расположеніемъ на сто ведеръ по три
ведра въ годъ, а за излишнюю усушку и утечку денги съ насъ взыска-
ваются по продажной чарочной цѣнѣ. Такожъ и соль присылается отъ
поморскихъ соляныхъ промысловъ на судахъ, которая полагается въ
колскомъ острогѣ въ амбарахъ за присмотромъ колскихъ воеводской кан-
целярїи и ратуши и содержится за общими печатями. Оная соль во вре-
мя привоза моремъ отъ морскихъ штурмовъ весьма сырѣетъ и отъ той
сырости соли находится великая утечка и усушка, а зачитывается оной
соли всегда по двадцати по пяти пудовъ въ годъ на тысячу пудовъ, а
за излишнюю утечку и усушку взыскиваютъ съ насъ, головъ, денгами
по указной продажной цѣнѣ. Да мы же, посадскіе, возимъ подводы въ
зимнее и осеннее и вешнее распутные времена въ четыре стороны на
оленяхъ, которыхъ въ прежніе годы употреблялось по два и по три оле-
ня въ подводу, а нынѣ берутъ въ одну подводу по пяти и семи и по
осми оленей, а паче, что въ колскій уѣздъ, иногда и безъ прогоновъ.

²⁾ Начало „Наказа“, тракующее объ указѣ и манифестѣ объ учрежденіи въ Мо-
сквѣ комиссій для сочиненія новаго уложенія и о выборѣ къ тому депутатовъ, какъ
не представляющее интереса, опущено нами.

А когда, за умаленіемъ у насъ оленей, наимущемъ постороннихъ людей съ олеями до перваго яму, на 70 верстѣ, платимъ сверхъ прогововъ по 20 копеекъ на оленя. И о вышеписанномъ Вашему Превосходительству Колскаго посада жители симъ покорнѣйше представляемъ, Февраля 20 дня 1767 года.

Представленіе это подписано, по просьбѣ Старосты Алексѣя Шлыкова и живущихъ въ Кольскомъ посадѣ, пятью жителями того-же посада³⁾.

Письмо губернатора Головцына къ находившемуся въ Архангельскѣ физической экспедиціи предводителю господину профессору и медицины доктору Ивану Ивановичу Лепехину.

Государь мой Иванъ Ивановичъ.

Сего февраля 28-го числа, въ присланномъ ко мнѣ изъ Кольской воеводской канцеляріи репортѣ написано, что онаго мѣсяца 7-го дня, по полудни въ исхолѣ первой половины седьмого часа, въ тамошнемъ Кольскомъ острогѣ было землетрясеніе, и по всему городу слышно было подземный громъ на подобіе ѣдущихъ колясокъ по каменнымъ или деревяннымъ мостамъ, и въ тожъ самое время былъ преужасный вихрь съ презѣльнымъ свѣгомъ; коего времени было съ минутою часа, точію Божіимъ милосердіемъ отъ онаго никакого нисколько и ничему поврежденія не учинилось. А при подачѣ того репорта бывшей въ самое то время въ Колѣ посланный отсель за нѣкоторымъ дѣломъ архангелогородской губернской роты солдатъ Филиппъ Горбатый въ дополненіе того репорта сказкою у меня показалъ, что весь тотъ день, въ коемъ упомянутое происшествіе было, состоялъ пасмурный и шель свѣтъ и вѣтеръ во весь день былъ крѣпкій между запада и сѣвера, а по Кольскому просторѣчию отъ Варенской губы; во время же землетрясенія сильной былъ вихрь, удары же землетрясенія или стукъ шель отъ западной къ полуденной сторонѣ. О чемъ не могу васъ, государя моего, безвѣстна оставить, и оное симъ предъявляя, съ почтеніемъ есмь

Вашего Высокоблагородія

Государя моего

покорный слуга

Егоръ Головцынъ.

Февраля 29 дня
1772 года⁴⁾.

Репортъ Кольской воеводской канцеляріи Архангельскому губернатору Головцыну отъ 27-го ноября 1775 года № 597.

Въ нынѣшней осени, по дарованію Божью, въ Кольской губѣ сельдей такъ, много, что здѣшніе обыватели всѣ съ большимъ удовольствіемъ тѣхъ сельдей напромышляли, а нынѣ множество опыхъ обсыхаетъ по берегамъ въ вышину въ аршинъ, почему и находящіяся въ Колѣ жители не ловятъ и съ береговъ не берутъ; а по объявленію архангелогородскаго купца Андрея Герасимова, что онъ на Кольской губѣ связанными изъ подоннищихъ промышленныхъ веревокъ неводами уловилъ шесть китовъ, которые величины напимѣръ сажень до десяти, да и китовъ въ оной губѣ премножество, и о такомъ множествѣ сельдей и китовъ кольскіе жители, которые состоятъ отъ роду своего лѣтъ восьмидесяти, и тѣ памятовать не могутъ, да и отъ дѣдовъ и прадѣдовъ своихъ о вышеписанномъ множествѣ сельдей и китовъ не слыхали. О чемъ

³⁾ Сборникъ Императ. Русскаго Историческаго Общества, томъ 123, стр. 523—525.

кольская воеводская канцелярія вашему превосходительству за извѣстіе репортуеть да сверхъ того, если промышленники будутъ здѣшнюю воеводскую канцелярію просить, чтобъ изъ тѣхъ китовъ въ городѣ кольскомъ острогѣ топить на сало, допустить ли, или въ тѣхъ мѣстахъ приказать, — гдѣ уловлены, о чемъ отъ вашего превосходительства воеводская канцелярія просить повелѣнія“.

Нужно замѣтить, что еще и гораздо ранѣе кольская губа была извѣстна, какъ мѣсто нахождения китовъ, и на этомъ основаніи императоръ Петръ Великій далъ слѣдующій указъ кольскому коменданту (подлинный, за собственноручнымъ подписомъ Его Величества, находится въ архангельскомъ губернскомъ правленіи):

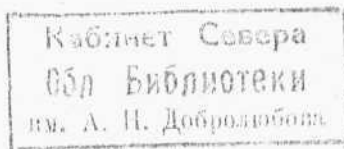
„По полученіи сего прикажи промышленникамъ смотрѣть, когда кита на берегъ выкинетъ, тогда-бъ они бережно обрали сало себѣ, а усы и кости не тронули и оставили такъ, какъ оныя были, и о томъ бы объявили тебѣ. И какъ объявятъ, тогда приставь къ тѣмъ костямъ караулъ и къ Намъ о томъ немедленно пиши, и тогда пришлемъ къ вамъ такого человѣка, который можетъ тѣ кости порядочно разобрать по нумерамъ. И тогда отпиравъ тѣ кости и усы до Нюхчи съ нарочнымъ офицеромъ.

П е т р ъ.

Въ 4-й день сентября 1724 года.

Въ Санктъ Питербурхѣ“⁴⁾.

Н. Голубцовъ.

⁴⁾ „Арханг. Губ. Вѣдомости“ 1875 г. № 35.